

эпохой в исторической жизни России? Что-же, получили от нее Казачество свои законные права, свою свободу? Разве не в этом году лучший сын Казачества и первый выборный Атаман Дона А. М. Каледин был объявлен прагом России?

Кто еще может пожаловать Казачеству его законные права? Разве что группа П. Н. Милюкова, послушным исполнителем воли которого, в силу партийной дисциплины, является редактор „П. К.“ В. А. Харламов?

Последний, видимо, преобладающее влияние в будущей российской власти отводит именно этой группе и от нее, вероятно, собирается получить все законные права Казачества*).

Но П. Н. Милюков загадочно молчит и свою казачью программу крепко хранит в тайне. Очевидно, она не так уж выгодна для Казачества. В противном случае его партийные товарищи-казаки не замедлили бы ею воспользоваться.

Так вот, повторяю, от кого же Горчуков думает получить законные казачьи права?

Тот же Горчуков ставит „В. К.“ вопрос: „Как они думают заставить Россию выделить их на свое суверенное хозяйство, или как они думают удержать это хозяйство за собой, если Россия не захочет этого выделения, которое было бы для нее лишней петлей на горле?“

*) Я это говорю потому, что Харламов в своем публичном докладе сказал, что всему левому, социалистическому сектору русской общественности нет места в будущей ФДРР, за что на него метал гром и молнии г. Керенский, хотя после появления „В. К.“ он замолчал и усиленно стал рекламировать „П. К.“. Награда за благонадежность? Характерно!

„В. К.“ говорит: будем бороться. Но почему такое заявление — преступление? Разве борьба за правое дело — преступление? Ведь законность казачьих прав признает и сам Горчуков.

Бесспорно, „хотение“ Россия может быть велико, но разве все российские „хотения“ закон, истина? Ну, а „хотение“ самого Казачества для Горчукова значит ли чтонибудь?

На тему „если“ можно бесконечно разговаривать. Воспользуясь и я ею и задам два вопроса:

1. Если русская власть за „круглым столом“ совета не даст (оба, конечно, „не захочет“) Казачеству его законных прав, а вместо этого мобилизует несколько военных округов против „мятежного“ Казачества, а последнее потребует от него, Горчукова, выполнения клятвы, данной им в качестве Члена Круга, защищать свое Отечество — Казачество, — как тогда поступит Горчуков?

2. „П. К.“ мыслит существование Казачества только в Федеративной Демократической Российской Республике.

Ну, а если на смену большевикам придет другая диктаторская власть, например, власт Маркова II и совершенно „не захочет“ не только слышать о Свободном Казачестве, но и разговаривать с казаком Харламовым?

Что тогда будет делать „П. К.“?

Только не надо отделяться общей фразой, что, мол, ФДРР — наш идеал и что Марков II к власти никогда не придет и т. д.

Шамба Балинов.

Международная жизнь.

Французские и германские парламентские выборы.

На протяжении последнего месяца состоялись парламентские выборы в двух главных государствах европейского континента: во Франции и в Германии. Политические круги Европы ждали этих выборов с интересом и не без некоторых опасений. Оба названные государства переживают сейчас период лихорадочной работы по восстановлению нормальных экономических и финансовых отношений в стране, и оба они работы этой до выборов далеко еще не закончили. Работа эта стала возможной сравнительно недавно. В сущности, всего только со дня заключения известного Локарнского договора и последовавшего затем репарационного соглашения, после которых вчерашние враги — Франция и Германия — более или менее успокоились, перестав ожидать какого либо неожиданного политического осложнения, могущего сорвать налаживающееся внутреннее оздоровление.

От результатов парламентских выборов зависело либо утвердить такое благоприятное положение на будущее, либо сорвать его. Последнее для обеих стран означало бы экономическую катастрофу, финансовое банкротство и полное расстройство внутренних политических отношений. Для Европы это было бы величайшим ударом, от которого трудно оправиться. Для коммунистов — мутной водой, в которой можно было бы с новой надеждой возродить культуру умирающих естественной смертью советских бацилл мировой революции. Понятен потому всеобщий интерес к этим, казался бы, нормальным, очередным выбором во французский и германский парламенты.

Особенные опасения вызывала Франция. Правительство Пуанкаре твердо рукою проводившее оздоровление страны и располагавшее значительным большинством в парламенте, и то же время не имело в нем достаточно прочной базы. Большинство это составилось два года тому назад, после того как предшест-

вующий кабинет так называемого левого „картеля“ привел страну к рубежу финансового банкротства. Пуанкаре явился в роли спасителя Франции, и бывшие члены левого картеля, вынуждены были, скрепя сердце, поддерживать его, выступая таким образом не только против других членов того же картеля, но и против своей собственной программы. Распуск парламента развязывал им руки и предоставлял полную свободу действий. Второю причиной опасений была непримиримая позиция, занятая по отношению к правительству Пуанкаре, сильной в парламенте социалистической партией. Тревожило также и то обстоятельство, что за последнее время, в явной связи с предстоящими выборами, чрезвычайно оживилась деятельность французских коммунистов, щедро снабженных московскими деньгами. Опасались, что в результате этого, Париж, его предместья, равно как и все крупные промышленные центры Франции станут очагами советской пропаганды и советского влияния. Волновало также и почти полная невозможность учета результата выборов, так как не задолго до своего роспуска, французский парламент принял закон, согласно которому аннулировалась система пропорциональных выборов, а восстановилась мажоритарная система, с одним кандидатом на округ, с правом перебаллотировки. А, как известно, эта последняя система дает почву для разного рода неожиданностей, особенно при перебаллотировке, самых неестественных политических соглашений между партиями, желающих во что бы то ни стало провести своих кандидатов.

Опасения не сбылись. Французы — народ рассудительный, французский избиратель отчетливо представил себе положение и голосовал за правительство Пуанкаре, а тем самым и за его программу. Все парламентские группы, которые поддерживали кабинет в его политике экономического оздоровления, вышли из выборов в увеличенном составе; все, что было против, проиграло. В новом парламенте, кабинет Пуанкаре будет иметь твердую базу из представителей центральных партий, а все большинство, на которое он сможет

спокойно опираться в парламенте, по самым скептическим исчислениям достигает 400 депутатов, из общего числа 612. Такого большинства, как кажется, не имело еще ни одно французское правительство за все время существования третьей республики. Особенно сильное поражение потерпели коммунисты. Несмотря на чрезвычайную сильную агитацию, они потеряли около половины мест. В старом парламенте их было 27, в новом их будет всего 14. Выборы прошли спокойно, — не сумели их даже замутить московские агенты. Участие в выборах было рекордное: от 80 до 90 процентов избирателей исполнили свой гражданский долг. Сдержанная, но, быть может, наилучшая характеристика минувших выборов дана самим Пуанкаре. Французский избиратель, по его мысли, подтвердил, что вопросы финансово-экономического порядка в течение нескольких лет должны будут доминировать в политике Франции, что социальные реформы необходимы, но что коммунистические о них представления должны быть отвергнуты самым решительным образом. Победа буржуазных демократических партий во Франции все это обеспечивает; обеспечивает она и продолжение той политики мира в Европе, соглашения между европейскими народами и противодействия советским интригам, которая начата в свое время Локарнским соглашением.

Иной характер имел интерес политических кругов по отношению к выборам в парламент германский. Если во Франции должно было опасаться победы левых политических группировок, то по отношению к Германии дело стояло совершенно иначе. Германские правительства последнего времени, опиравшиеся на центральные группировки парламента, применяли своеобразные приемы для получения необходимого им парламентского большинства. В своей внутренней политике они чаще всего обращались к поддержке правых групп, в то время, как в проведении своей иностранной политики они опирались главным образом на левые, в том числе и социалистические парламентские фракции. Внутренняя политика Германии более или менее стабилизирована, и тот или иной результат выборов не мог бы иметь сколько-нибудь значительного влияния ни ее будущее. Иначе обстояло дело с политикой иностранной, покоящейся на соглашениях с Францией и на так называемой западной ориентации. Ориентация на СССР и на дружбу с Советами в Германии является достоянием не социалистов, как это имело место во Франции, а правых, особенно мощных националистических партий. Это обстоятельство объясняется тем, что в кругах все еще сильного в Германии помещичьего дворянства живет надежда

на военный реванш, на восстановление погибшей монархии, которая, как им это кажется, может быть реставрирована в грозе боевых бурь при помощи союзного СССР. Поэтому, например, французская даже буржуазная пресса совершенно искренне и единодушно желала Германии победы социалистической партии, ибо такая победа, укрепляя германскую республику, социально не грозила ничем, а в международных отношениях утвердила бы немецкую политику в ее западной ориентации.

Желания французской прессы осуществились. На германских выборах главная борьба произошла между националистами и социалистами, причем между ногами тех и других путались коммунисты. В борьбе этой победителями оказались социалисты, а националисты потерпели значительное поражение. Строгая пропорциональная система германского выборного права несколько смягчила и эту победу и это поражение: националисты потеряли 38 мандатов, а социалисты выиграли всего 18. Остальные утраченные националистами мандаты поделили между собою другие партии. Тенью на социалистической победе является тот факт, что их решительная борьба против коммунистов успехом не увенчалась, и коммунисты не только не проиграли, но уничтожив на выборах оторвавшуюся от них „левую“ фракцию, приобрели новых 19 мандатов. В новом германском парламенте коммунистов будет 50, но рядом с ними будет 150 социалистов, которые, не в пример некоторым европейским их товарищам, являются их жестокими врагами. Для парламента иметь в своей среде 50 московских агентов, конечно, вещь не из приятных, но для страны это не имеет никакого значения, ибо, где-где, а в Германии коммунизм не может ни на что рассчитывать в будущем.

Таким образом и в Германии парламентские выборы, будучи по внешности совершенно иными, чем во Франции, тем не менее указывают на одно: Европа должна в ближайшем будущем продолжать дело внутренней стабилизации, внешнего мира и ориентации на самих себя, а не на появившийся сомнительный „свет с Востока“. Центральные демократические партии германского парламента, бывшие осью всех правительственных коалиций, вышли из выборов без ущерба, а их политическая линия подтвержденной.

Как и во Франции, формальная сторона образования нового правительства еще не получила окончательного разрешения и в Германии, но тот или иной внешний вид правительственной коалиции по существу дела уже не изменит.

Свой.

Казачья эмиграция.

Приезд Донского Атамана А. П. Богаевского в Прагу.

Вечером 11 мая в Прагу прибыл Донской Атаман А. П. Богаевский. В воскресенье 13 мая им был посещен Шишбрамский Студенческий Хутор Общеказ. Студ. Ставицы. 12 мая Донским Атаманом был принят Атаман Общеказачьей Студенческой станицы д-р В. А. Кузнецов, который пригласил Атамана на скромную кружку чая и беседу со студентами казаками, проживающими в Праге, на что Донской Атаман дал принципиальное согласие. 16 мая А. П. Богаевский, за отсутствием у него свободного времени, отказался беседовать с казачьим студенчеством.

16 вечером в ресторане „Беранек“ близкими к Атаману лицами был устроен банкет, где присутствовало около 20 человек, в том числе русские.

В следующие дни Атаман навещал почти каждый день сельско-хозяйственную выставку, которая происходила в Праге с 15—21 мая.

23-24 мая А. П. Богаевский предполагает посетить казаков, проживающих в Брно, затем через Братиславу направится в Югославию и Болгарию, где думает посетить некоторые места расселения казаков.

На банкете 16 мая в ресторане „Беранек“ из русских кругов присутствовали проф. Вилков, г. Винничук, князь Долгоруков. Кн. Долгоруков в своем слове, сказанном на банкете, охарактеризовал казаков как разбойников, бандитов, против чего горячо возражал полк. Дронов, сказав, что он не чувствует себя разбойником, а напротив русских „кидет“ считает их очень близкими. После этого выступил казак Гапонов, заявив, что врагами казачества являются галлиполийцы, вс-ары и кадеты, с которыми необходимо бороться. Все выступавшие на банкете казаки высказывали пожелание — занять Атаману должное отношение ко всем казачьим группировкам, не вмешиваясь в их разногласия. Против этого горячо протестовал старый „политик“ П. А. Скачков.

19 мая А. П. Богаевский присутствовал на чае, устроенном в столовой галлиполийского землячества „Огонек“. Сюда собралось около 40 человек, преимущественно рядовых казаков, прибывших на сель.-хоз. выставку, пражан-казаков почти не было.

Приветственное слово Атаману было сказано Г. И. Долгопятовым, председателем объединения русских земледельцев.

Затем Донской Атаман дал небольшую информацию